

21 июня (4 июля)

Священномученик
Алексий Скворцов

Священномученик Алексий родился 11 февраля 1875 года в селе Велино Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Петра Алексеевича Скворцова, служившего впоследствии в Знаменском храме в селе Дубровицы. Окончив Перервинское духовное училище, Алексей в 1889 году поступил в Московскую духовную семинарию, которую закончил в 1895 году, и в 1897-м был назначен псаломщиком в церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Иоанновском женском монастыре в Москве. 5 марта 1898 года он был рукоположен во диакона, а в 1917-м – во священника к той же церкви. В 1920 году отец Алексий был награжден камилавкой. После того как монастырь в 1918 году был властями закрыт и превращен в концлагерь для политических заключенных, а монашеские кельи – в тюремные камеры, монастырский храм стал приходским. Отец Алексий прослужил в нем до его закрытия, а затем с 1926 года стал служить в Успенской церкви в поселке Гжель Бронницкого уезда*.

В соседнем с Гжелью селе Загорново в храме Михаила Архангела служил священник Марк Грязнов. В 1929 году он за произнесение проповедей, которые ОГПУ сочло антисоветскими, был приговорен к трем годам заключения в концлагере, и церковный совет пригласил отца Алексия служить к себе, и он переехал в Загорново. В 1932 году отец Марк вернулся из заключения и продолжил служение в Михаило-Архангельской церкви, а отец Алексий вернулся в Гжель и снова стал служить в Успенской церкви.

С первых дней захвата власти большевиками, сотрудники созданного ими ЧК, а затем ОГПУ стали собирать сведения о священнослужителях, как о заведомо, по их мнению, нелояльных гражданах, поскольку те говорили о вере, о Боге, о Христе, а власть всё это категорически отрицала, воинственно проповедуя атеизм. При усилении в стране репрессий, усиливалось и гонение на духовенство, активизировался и сбор о нем сведений, на которых впоследствии обосновывалась необходимость арестов.

В 1928 году в селе Загорново был организован колхоз, которому было дано название «Опыт». Председателем его стал крестьянин, хорошо знавший односельчан и местные условия жизни. С согласия коллектива председатель колхоза закупал коров и лошадей, были построены скотный двор, конюшня, телятник и свинарник. По свидетельству очевидца, колхоз рос и процветал, и к колхозному имуществу крестьяне относились даже бережнее, чем к своему, и на общих собраниях, где присутствовали и не вступившие в колхоз, колхозники искренне говорили о своих хозяйственных успехах.

В 1931 году райком партии назначил председателем Ивана Биткова, возглавившего местную ячейку Коммунистической партии. С этого времени началось разрушение хозяйства и разграбление ранее собранного в колхозе имущества. Новый председатель смотрел на колхоз, как на вотчину, данную ему во временное владение, с прикрепленными к ней крепостными работниками. Присваивая себе колхозное имущество, он вывозил его в город и продавал. Если

---

* Ныне поселок Гжель Раменского городского округа Московской области.

колхозники спрашивали, куда им идти в тот или иной день работать, он, не вникая в суть дела, отвечал, что идите туда, где никто не работает, и при этом приправлял свою речь такой грубой бранью, которую еще не все способны были выслушать. Всякий указывавший председателю на непорядки в хозяйстве становился его личным врагом. После каждой успешной продажи колхозного имущества он на полученные им от продажи деньги широко праздновал со своими друзьями. Уезжая как-то в отпуск, он по возвращении стал выведывать, что говорили о нем в его отсутствие колхозники, и тех, кто его критиковал, жестоко преследовал, так что число желающих трудиться резко уменьшилось, и часть необработанных полей за недостатком рабочих рук ушла под снег и погибла. Люди стали подавать заявления о выходе из колхоза, но председатель разрешения на это им не давал. Чем хуже становилось экономическое положение в колхозе, тем роскошнее были праздники председателя и его друзей. Колхозники пожаловались на действия председателя в местный райком партии, но это не дало никаких результатов – и колхозники всё более беднели и, попадая в положение, когда уже не могли содержать семью, распродавали имущество.

Желая себя оправдать, председатель стал распространять слухи, будто кулаки задумали его убить, а вместе с ним и других советских руководителей. Это был наилучший, по его мнению, способ – переключить внимание с себя на мнимых врагов, тем более, что и ОГПУ для продолжения своей деятельности нуждалось в их постоянном появлении, а стройки коммунизма – в рабочих руках. Руководителем группы, которая якобы должна была организовать убийство, был назначен священник Алексей Скворцов – он был духовным отцом прихожан и, по мнению атеистической власти, заведомым ее противником.

Впоследствии во время допроса председатель заявил следователю, что в селе Загорново существует крепко спаянная кулацко-террористическая группа, которая ставит своей целью свержение советской власти путем террора, на собрании этой группы было будто бы решено убить руководителей местной власти, а также и его самого – секретаря местной партийной ячейки. Члены группы указывали на существующие в колхозе недостатки и тем самым настраивали колхозников против руководителей.

13 апреля 1932 года член колхоза Яков Горюнов, которому едва исполнилось тогда двадцать лет, сообщил сотруднику районного отдела ОГПУ И. Ищенко, что его родители принимали 5 апреля в своем доме гостей, часть которых состояла из родственников, и пока он притаившись и делая вид, что спит, лежал на печи, вели между собой разговор, критикуя колхозные порядки и обсуждая, где бы найти человека, который убил бы председателя колхоза и руководящий состав, и что денег на оплату убийце готов дать местный священник.

30 апреля начальник Раменского отдела ОГПУ Питерский допросил отца доносчика, Василия Михайловича Горюнова. Он рассказал, что не так давно заметил, что его жена Евдокия Тимофеевна стала вести себя замкнуто. Доискиваясь до причин перемены в ее настроении, он выяснил, что в последнее время она стала часто посещать местного священника Алексея Скворцова, и причиной перемены настроения жены мог быть именно он. Через некоторое время он услышал от жены жалобы на тяжелую жизнь и критику положения дел на селе. Считая, что его жена – женщина недалекая и не способна провести анализ окружающей обстановки, изменение в ее политических настроениях он целиком приписывал влиянию на нее священника. «Я почувствовал, – сказал он

сотруднику ОГПУ, – что существует какая-то организация или группа лиц, которая активно думает разобраться с руководством села, не останавливаясь даже перед убийством, и в эту группу лиц входит и моя жена».

Один из «свидетелей» показал, что священник Алексей Скворцов и близкие к нему люди «агитируют не только среди населения Загорнова, но и других деревень, против всех мероприятий советской власти, говорят, что строительство идет главным образом за счет измора рабочих, народное достояние гибнет, что коммунисты только говорят о строительстве, а сами не строят, а растаскивают, они, большевики, взяли курс на пролетаризацию деревни, и они уже ее доводят до того, что нигде ничего нет, ни рабочему, ни крестьянину, а всё есть только для управителей. Мы сделали в нашей стране шаг к крепостничеству».

Евдокию Тимофеевну Горюнову обвинили в том, что она препятствовала среди колхозников проведению подписки на государственный заём; переходя из дома в дом, она убеждала крестьян не подписываться на него, говоря, «“кому мы будем отдавать наши последние гроши на эту проклятую пятилетку, которая нас запихала в колхозный мешок и поморила голодом”, и ввиду ее агитации распространение займа было сорвано, в какой дом не войдет уполномоченный, в тот дом войдет и она и начинает открыто агитировать хозяина дома против подписки». После того, как кампания в селе по займу провалилась, Евдокия Тимофеевна направилась в гости к хозяйке дома, где жил отец Алексей, что, по мнению свидетелей, должно было доказывать причастность его к срыву кампании.

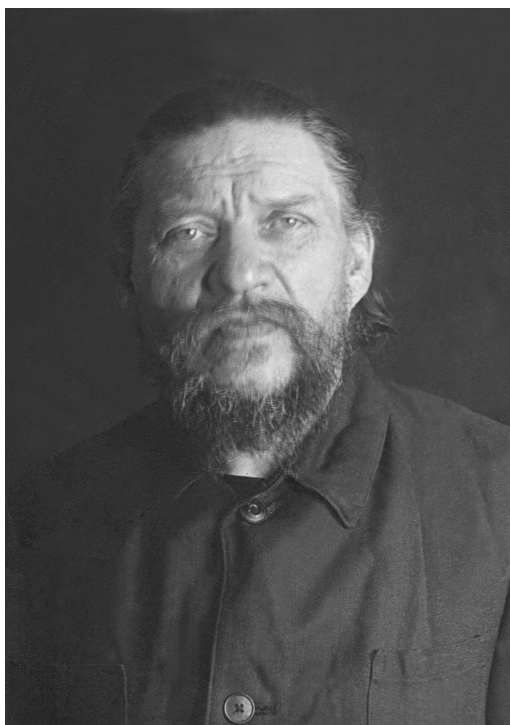
12 декабря 1932 года отец Алексей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Тогда же были арестованы священник Марк Грязнов, сын заштатного священника Арсений Лебедев, Евдокия Тимофеевна Горюнова и четверо крестьян, которым в вину вменялось и то, что они когда-то состояли в обществе хоругвеносцев.

23 декабря уполномоченный районного отдела ОГПУ А. И. Ефремов допросил отца Алексея. Отвечая на вопросы следователя, он сказал, что на квартиру к Демидовой, где он жил, иногда «приходила Евдокия Тимофеевна Горюнова, но с ней мне говорить не приходилось. Поклонившись, я тут же уходил в свою каморку. Разговаривать с ними и вообще с кем-либо я остерегался, даже боялся ходить на поминки, так как боялся, что меня обвинят в чем-нибудь антисоветском. Проповеди я говорил очень редко. Иногда скажу: “Православные, покайтесь, очистите свои грехи”. Помню, как-то нам прислали большой налог; денег в церковном ящике у нас не было ни копейки, в силу чего пришлось мне обращаться к верующим: “Православные, нам прислали большой налог, платить нечем, если дорог вам Божий храм, то помогите, кто чем может”. В предъявленном мне обвинении в подготовке террористического акта против коммунистов в селе и ведении антисоветской агитации я виновным себя не признаю».

Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств вины, 10 января 1933 года священнику было предъявлено обвинение, что он «на протяжении ряда лет руководил контрреволюционной группировкой на селе, подготовлявшей террористические акты против местных коммунистов». Остальным было поставлено в вину участие в «террористической группировке», возглавляемой отцом Алексием. Виновными в предъявленном им нелепом обвинении они себя признали.

Привлеченные к расследованию сотрудники ОГПУ 13 января в обвинительном заключении написали: «В селе Загорново... со стороны организовавшейся группы, в состав которой входила кулацко-зажиточная часть деревни под руководством местного священника Алексея Петровича Скворцова, велась явная антисоветская агитация, направленная к срыву политико-хозяйственных кампаний, проводимых советской властью на селе, таких, как хлебозаготовки, коллективизация, заём и так далее. <...> Со стороны означенной группировки подготовлялось совершение террористического акта путем убийства местного актива деревни».

26 февраля 1933 года тройка ОГПУ Московской области приговорила отца Алексея к пяти годам ссылки в Казахстан; некоторые из обвиняемых были приговорены к трем годам заключения в концлагерь и к трем годам ссылки, Евдокия Тимофеевна Горюнова была приговорена условно и освобождена.

*Священник Алексей Скворцов.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

После окончания в 1937 году срока заключения отец Алексей вернулся в село Загорново и стал служить в храме Архангела Михаила. Но совсем недолгим оказалось на этот раз его служение. 25 марта 1938 года он был вновь арестован и помещен в камеру предварительного заключения при Раменском отделении НКВД. На следующий день следователь на допросе спросил его:

– Как часто вы собираетесь в церковной сторожке и с кем?

– Собирались изредка я, диакон и староста, она же и председатель церковного совета. Были и верующие.

– Какие разговоры велись в церковной сторожке между вами?

– Разговоры у нас велись – служить или не служить в тот или иной праздник, и разные другие служебного характера.

– Какие разговоры контрреволюционного антисоветского характера велись вами при сборище в церковной сторожке и кем?

– Обсуждали вопрос о наложенном на церковь налоге и, конечно, изливали недовольство непосильным налогом. Других разговоров у нас не было.

– С кем вы поддерживаете связь?

– Связи у меня ни с кем нет, кроме служебной.

– Признаете ли вы себя виновным в контрреволюционных антисоветских разговорах и клевете на руководство партии и правительства?

– Виновным себя не признаю, – ответил священник.

На этом допросы тогда были окончены. Вскоре следователь куда-то исчез, и до мая об отце Алексии как бы забыли. Появившийся новый следователь, инспектор Раменского отдела милиции по фамилии Звездкин, 14 мая снова допросил отца Алексия.

– Скажите, признаете ли вы себя виновным в проведении контрреволюционной деятельности и распространении гнусной клеветы о партии и правительстве среди местного населения?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и поясняю, что контрреволюционной деятельности я совершенно среди местного населения не проводил, ни с кем никогда даже и не разговаривал, и не беседовал.

Были вызваны штатные свидетели, с некоторыми из которых отец Алексей никогда не встречался и не разговаривал, о чем он совершенно определенно заявил во время очных ставок, устроенных следователем.

14 мая 1938 года было составлено обвинительное заключение, которое подписали инспектор Звездкин, временно исполняющий должность начальника районного отделения УНКВД Московской области младший лейтенант Токарев, начальник районного отделения УНКВД Московской области младший лейтенант Горбачев и прокурор Калачев; в нем было написано, что священник Алексей Скворцов, несмотря на то, что ранее был уже осужден, «активно проводил контрреволюционную агитацию против советской власти и партии, а также распространял клеветнические слухи по адресу советской власти и партии».

7 июня 1938 года тройка УНКВД по Московской области приговорила священника к расстрелу, и он был отправлен в Таганскую тюрьму в Москве – ожидать исполнения приговора. 10 июня тюремный фотограф сфотографировал его, чтобы среди десятков приговоренных палачи не ошиблись, когда будут уводить его на расстрел. Священник Алексей Скворцов был расстрелян 4 июля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на Бутовском полигоне под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 388-392

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том IV. Тверь, 2006. // Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский).